

Владимир Набоков

Сердце я бережно нёс

Бережно нёс я к тебе это сердце прозрачное. Кто-то в локоть толкнул, проходя. Сердце, на камни упав, скорбно разбилось на песни. Прими же осколки. Не знаю, кто проходил, подтолкнул: сердце я бережно нёс.

Я помню в плюшевой оправе дагерротипную мечту и очи в северной дубраве, и губы в громовом порту. Но ты... Прямой и тонкой тенью, как бы ступая по стеклу, внимая призрачному пенью, вникая пристально во мглу, — во мглу, где под железным клёном я ждал, где, завернув с угла, сквозные янтари со стоном текли в сырые зеркала — безгласно в эту мглу вошла ты, и всё, что скучно стыло встарь, всё сказкой стало: клён зубчатый, геометрический фонарь...

Ты... Платье чёрное мне снится, во взгляде сдержанный огонь, мне тихо на рукав ложится продолговатая ладонь. И вдруг, улыбкою нежданной блеснув, указываешь мне: клин теневой, провал обманный

на бледной, на косой стене. Да, правда: город угловатый играет жизнью колдовской с тех пор, как в улицу вошла ты своей стеклянной стопой. И в этом мире небывалом теней и света мы одни.

Вчера нам снились за каналом венецианские огни. И Гофман из зеркальной двери вдруг вышел и в плаще прошёл, а под скамьёю в тёмном сквере я веер костяной нашёл. И непонятный выступ медный горит сквозь дальнейе стекло, а на стене, косой и бледной — откуда? — чёрное крыло. Гадая, всё ты отмечаешь, все игры вырезов ночных, заговорю ли — отвечаешь, как бы доканчивая стих.

Таинственно скользя по гласным, ты шепчешь, замираешь ты, и на лице твоём неясном ловлю я тень моей мечты. А там над улицею сонной, черты земные затая, стеною странно освещённой стоит за мною жизнь моя.